

DOI: 10.15372/HSS20220310

УДК 94:338(47)"1933/1937"

М.А. ФЕЛЬДМАН

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ,
РФ, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66

В статье впервые в научной литературе анализируются особенности работы Совещания руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.). Участие в Совещании почти 800 «командиров производства» придавало мероприятию важное значение в жизни СССР. Проведенный контент-анализ выступлений 25 директоров крупных промышленных предприятий показал, что в большей степени «командиров производства» волновала необходимость изменения методов планирования. Автором статьи сделан вывод о том, что в выступлениях директоров промышленных предприятий осуждались практика «штурмовщины», вызванная неритмичной поставкой сырья и материалов, запасных частей; а также низкое качество поставляемой продукции, прежде всего черных металлов. Факты, приведенные в выступлениях, резко отличались от штампов о самой «передовой экономике мира». Жесткой цензурой объясняется чередование конкретных обоснованных и пустых, заполненных абстрактной статистикой выступлений руководящих работников тяжелой промышленности на совещании 20–22 сентября 1934 г.

Ключевые слова: Совещание, промышленность, директора, качество, брак, экономика.

M.A. FELDMAN

ON THE ISSUE OF THE DEGREE OF THE ECONOMIC ELITE EFFECT ON THE SOVIET STATE ECONOMIC COURSE DURING THE SECOND FIVE-YEAR PLAN

Ural Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
66, 8th of March str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

The historical literature reflects the course and significance of a number of All – Union meetings of business executives in 1931–1936. However, the reasons for convening and analyzing the work of the Meeting of Senior Workers of Heavy Industry (September 20–22, 1934) remained outside the attention of researchers. The tradition of focusing on achievements and successes of the Industrial Project in the 1933–1934 overshadowed the negative phenomena in the Soviet industry, first of all, the scale of producing low-quality products, unprofitability of the heavy industry enterprises' activity; staff turnover high rates. The country's leadership understood the danger of maintaining such a situation in industry judging by articles in the Newspaper "Pravda" in September 1934. The precedent of the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry (January 30 – February 4, 1931), initiated by Stalin, suggested the format of using the experience of directors to restore order in the "socialist industry". The analysis of the Meeting of the Leaders of Heavy Industry proceedings, published in a circulation of 15 thousand copies, allows us to draw a number of important conclusions. Representatives of the top and middle managers of Soviet industry unequivocally spoke out in favor of limiting the interference of party committees in the affairs of enterprises; opposed the assault methods of work generated by voluntarism in planning. Business executives called for expanding the enterprise rights in the fields of wages and technical rationing and establishing material incentives and technical rationing; talked about the need to abandon equalization in the field of wages. "Production commanders" pointed out the connection between the poor quality of manufactured industrial products and the everyday life of representatives of working collectives, engineering and technical personnel who lived, as a rule, in barracks; condemned cases of underfunding of housing construction. In fact, the directors' requirements formally related to the production process became a challenge to the economic voluntarism course. The Meeting results received the support of the leadership of the People's Commissariat of Heavy Industry, but, judging by the coverage in Newspaper "Pravda", drew a cautious response from Stalin.

Key words: Meeting, industry, directors, quality, marriage, economics.

Михаил Аркадьевич Фельдман – д-р ист. наук, профессор Урал. ин-та управления – филиала РАНХ и ГС, e-mail: feldman-mih@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>.

Michail A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

ПРИЧИНЫ СОЗЫВА СОВЕЩАНИЯ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В период 1931–1936 гг. всесоюзные совещания (конференции) высшего и среднего звена управленцев советской промышленности («хозяйственников» – по терминологии того времени) вошли в практику экономической жизни СССР. Причины созыва Совещания руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.) [Совещание хозяйственников, 1934]: убыточность работы предприятий тяжелой промышленности [История социалистической экономики..., 1978, с. 49,50]; необходимость справиться с валом некачественной продукции [Соколов, 2012, с. 162, 202, 203], преодолеть кризисные явления в экономике начала 1930-х гг. [Хлевнюк, 2010, с. 84].

Была еще одна причина, о которой прямо не говорилось: стремление хозяйственников легализовать использование «черного» рынка, когда предприятия добывали необходимые ресурсы, прибегая к услугам «толкачей», получая часть товаров «в обмен» или после специального заказа на их изготовление [Мерль, 2017, с. 316–317]. Масштаб применения хозяйственниками договорных связей позволял говорить о функционировании параллельной экономики [Хлевнюк, 2018, с. 234].

Руководство Наркомата тяжелой промышленности предполагало использовать достижения организации труда в США – «тейлоризма» и «фордизма». Система «тейлоризма» предполагала исследование процесса труда, разработку его оптимальной схемы, обучение рабочих, обеспечение координации и контроля. «Фордизм» олицетворял предельно рационализированную и автоматизированную схему поточного производства, опиравшуюся на ритм коллективной работы, заданный конвейером. Внимание «красных директоров» одновременно к системам Тейлора и Форда объяснялось тем, что многие предприятия индустрии были оснащены американским оборудованием. Изучение зарубежных технических достижений, нередко в экстремальных условиях, требовало поиска и продвижения наиболее компетентных работников [Шпотов, 2013, с. 126–128].

Опыт управленческой деятельности в экономике в период первой пятилетки и его осмысление в последующие годы заставил советское руководство выдвигать тех хозяйственных руководителей, которые могли и в постоянно возникавших критических ситуациях добиваться нужного результата. В силу этого Совещание руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.) (далее – Совещание) занимает важное место в понимании реализации индустриального проекта в СССР. Вместе с тем, исследователи, за редким исключением, не упо-

минали о нем. Фактически только Р. Дэвис, выдающийся британский историк, отличавшийся тонким пониманием процессов индустриализации в СССР в годы предвоенных пятилеток, дал характеристику Совещанию руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.) как форуму, позволившему обратиться к использованию опыта «красных командиров производства». Принципиально важным моментом на Совещании, по его мнению, стал призыв члена Политбюро ЦК ВКП (б), наркома тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе уйти от приоритета количественных показателей. В отличие от предшествующих лет, подчеркивал Дэвис, «Орджоникидзе спокойно отмечал, что в четвертом квартале (1934 г.) особенно большой прирост не требуется для выполнения квартальной и годовой программы». Достигнутые успехи, по мнению наркома, позволяли сконцентрировать усилия не на повышении темпов роста, а на «имеющихся у нас резервах, которые все еще не используются», в частности на показателях большей фондоотдачи. В этом Орджоникидзе видел главную задачу конференции [Davies, 2014, с. 68–73].

Совещание также уделило значительное внимание эффективному использованию рабочей силы. Однако, по замечанию исследователя, это была «в значительной степени конференция менеджеров», поскольку «представителей профсоюзов упрекали в том, что они требовали больше денег на жилье и другие аспекты социального обеспечения вместо того, чтобы работать над улучшением использования имеющихся ресурсов» [Davies, 2014, с. 71]. Британский историк не был склонен к жесткой расстановке акцентов, но признание им вторичности социальной политики на уровне отрасли и отдельных предприятий очевидно.

Можно предполагать, что отсутствие Сталина на указанном мероприятии (в отличие от аналогичного события в 1931 г.) несколько понизило его статус: в советскую историю оно вошло не как конференция, а как «Совещание руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.)». Р. Дэвис обратил внимание на роль члена Политбюро ЦК ВКП(б), наркома тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе в подборе и становлении той когорты управленцев, которая отличалась, прежде всего, компетенциями в производственной сфере. Наркома не смущало и участие ряда руководящих работников отрасли во внутрипартийных оппозициях в 1920-х гг. [Davies, 2014, с. 27–28].

Оправдало ли Совещание надежды Орджоникидзе и всего советского руководства? Насколько удалась проверка эффективности управленческих действий директорского корпуса в промышленности? Что изменилось в навыках хозяйственников? Неизу-

ченные проблемы, связанные с его трехдневной работой, являются предметом исследования в предлагаемой статье.

ХОД РАБОТЫ СОВЕЩАНИЯ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Совокупностью сложных проблем, вставших перед советским руководством в 1933–1934 гг., [Девис, Хлевнюк, 1994] объясняется необходимость проведения в сентябре 1934 г. Совещания руководителей работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.). Факт созыва почти 800 «командиров производства» – 220 директоров крупнейших предприятий индустрии и их заместителей, 92 технических директоров и их заместителей, 123 руководящих работников трестов и 260 начальников главков и секторов НКТП и их заместителей; меньших по численности групп начальников цехов (45 чел.) и 66 представителей партийных и профсоюзных комитетов предприятий – свидетельствовал о масштабности и значимости проводимого мероприятия [Совещание хозяйственников..., 1934, с. VII]. Количество участников было несколько больше, чем на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (в начале 1931 г.) – 728 чел. [Davies, 1996, с. 11].

Газета «Правда» за 21 сентября сообщала о *присутствии* на Совещании несколько меньшего числа участников, в частности: 188 директоров и 75 технических директоров предприятий; 39 начальников цехов; 53 представителей партийных и профсоюзных комитетов предприятий¹, но часть участников могла не прибыть в нужный срок.

Если на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности тон сообщениям хозяйственникам задали (по хронологии выступлений) доклады Г.К. Орджоникидзе, В.М. Молотова, И.В. Сталина, то в сентябре 1934 г. представительство советских лидеров ограничилось наркомом тяжелой промышленности.

Можно выдвигать разные объяснения, почему вместо объявленного в печати открытия Совещания 20 сентября в 18 часов², оно открылось на полтора часа позже³. Однако велика вероятность, что в это время организаторы Совещания получали дополнительные инструкции от Сталина. В пользу этого предположения говорит ряд фактов: ход Совещания вопреки многолетней традиции фактически освещала только одна газета – «Правда»; выступления боль-

шинства участников Совещания были предельно краткими; публикуемые выступления в номерах «Правды» за 21–24 сентября 1934 г. подвергались тщательному редактированию и «избавлению» от предложений, не укладывающихся в привычные схемы.

Работу Совещания предварили две публикации в Правде за 16 и 21 сентября, рассказывающие о достоинствах механизации и автоматизации на американских заводах; поддержании чистоты в цехах и на заводской территории; высоком удельном весе квалифицированных кадровых рабочих с производственным стажем 15–20 лет. Авторами этих публикаций были советские инженеры, посетившие промышленные объекты в США: они говорили прежде всего о тщательной проверке всех изделий и агрегатов в американских заводских лабораториях, а затем в экспериментальных цехах⁴. Казалось, приоритет качественных показателей в главной газете страны прозвучал достаточно явственно.

Речь Г.К. Орджоникидзе [Совещание хозяйственников..., 1934, с. 3–22], открывавшего Совещание 20 сентября 1934 г., без сомнения, представляет собой примечательный исторический источник. Во-первых, в не столь долгом тексте выступления нарком 21 раз упомянул Сталина и постоянно цитировал его слова. Упоминание недостатков подавалось как невыполнение сталинских указаний. Во-вторых, обращает на себя внимание правдивость представленной картины: признание огромного количества аварий, простоев агрегатов и механизмов, достигавших до половины рабочего времени, частых случаев бесхозяйственного обращения с техникой («уход за механизмами и агрегатами прямо-таки варварский»), и как следствие, быстрого износа оборудования за 2–3 года. В-третьих, Орджоникидзе продемонстрировал свою ограниченность понимания путей достижения поставленных целей, фактически сведя их к более интенсивному использованию оборудования. В-четвертых, нарком только мельком упомянул о тяжелых условиях жизни 6 млн работников отрасли. Складывается впечатление, что, верно провозгласив цель работы Совещания, в качестве руководителя крупнейшего хозяйственного ведомства, Орджоникидзе как член Политбюро ЦК ВКП (б) всячески старался избежать самостоятельного выдвижения управленческих решений.

Показательно, что стенографический отчет о работе Совещания открывался «Приветствием товарищу Сталину» [Там же, с. V–VI], где отмечалось *повседневное внимание* «любимого вождя трудящихся» к кадрам работников промышленности.

¹ Правда. 1934. 21 сент. С. 1.

² Там же. 20 сент. С. 3.

³ Там же. 21 сент. С. 1.

⁴ Питеров В. Из американских впечатлений // Правда. 1934. 16 сент. С. 2; На предприятиях США // Правда. 1934. 21 сент. С. 2.

В наихудших традициях собраний советских хозяйственников доклад начальника планового сектора Наркомтяжпрома С.Л. Кругликова [Там же, с. 23–32] был наполнен массой количественных показателей о выполнении плана различными главками и трестами без малейшей попытки анализа происходящего. Только обозначив проблему себестоимости выпускаемой продукции, Кругликов свел ее к фиксации различных цен у производителей. Пустота и формальность выступления была осознана представителями директорского корпуса и вызвала ряд критических замечаний [Там же, с. 47].

Ход Совещания заметно изменился, когда начались выступления управляющих трестами и представителей директорского корпуса. Уже в первом выступлении – З.Е. Зорина, управляющего трестом «Артемуголь», – прозвучало признание, что неблагоприятное положение на шахтах треста связано главным образом с тем, что «мы ослабили внимание к материальным и бытовым нуждам рабочих». Этим фактором обуславливалась высокая текучесть шахтеров и низкая трудовая дисциплина. Упреком в адрес наркомата стало утверждение З.Е. Зорина, что обеспечение нужд треста по техническому снабжению выполняется только наполовину [Там же, с. 33–37].

Небольшое сообщение В.Н. Мазурина, директора Кулебакского металлургического завода, успевшего к 32 годам поработать руководителем нескольких заводов в отрасли, завершало вечернее заседание 20 сентября. Формально сообщение было построено по традиционной схеме: «завод находился в глубоком прорыве в течение трех лет», однако принятые в 1934 г. «правильные меры» позволили выйти «на уровень плановых показателей». Однако признание директора в низком уровне механизации производства на вверенном ему предприятии, отсутствие измерительных приборов, заставлявших металлургов работать «на глазок», а также «неразбериха и производственная чехарда» с завозом на предприятие сырья и основных материалов явно не соответствовали его обязательству «выполнить программу четвертого квартала 1934 г.» [Там же, с. 40–43].

Выступления Зорина и Мазурина задали тон работе Совещания. Утреннее заседание 21 сентября началось с выступления К.Т. Николаева, директора завода «Красный гвоздильщик», который подчеркнул необходимость постоянного сравнения качества импортной и отечественной продукции. Самокритично прозвучали слова ленинградского управленца: «сегодня метизная промышленность ни по количеству, ни по качеству не может удовлетворить тех колоссальных требований, которые к ней предъявляются» [Там же, с. 44–46]. О формальности применения такого инструмента снижения себестоимости выпускаемой продукции, как рационализаторство, о сохране-

нии уравнилельских тенденций в системе заработной платы говорил А.Т. Золотов – директор Златоустовского металлургического завода [Там же, с. 47–49].

На связь повышенных, как правило, инспирированных сверху количественных обязательств по выпуску продукции, и высокого процента брака, указал В.И. Феленковский – технический директор завода им Петровского [Там же, с. 55].

О серьезных недостатках внутризаводского планирования на судостроительных заводах, особенно о незаинтересованности цехов в своевременности выполнения обязательств контрагентов, говорил начальник Главморпути. Р.А. Муклевич. Однако хаотичность действий цехов была во многом обусловлена тем фактом, что план по снабжению заводов за 1933 г. был выполнен только на 40 %. В выступлениях прозвучали краткие упоминания о роли технической учебы рабочих; необходимости соблюдения техники безопасности в цехах; о жизненно важной роли индивидуальных огородов и индивидуального жилищного строительства; о возможности мастеров регулировать величину заработной платы рабочих [Там же, с. 62–65, 93, 95, 103, 115].

Одним из самых ярких моментов утреннего заседания 21 сентября стало выступление Горского – заведующего группой технического нормирования и зарплаты ХТЗ, заявившего о необходимости расширения прав предприятия в сфере заработной платы и технического нормирования. Этот призыв был поддержан А.Д. Пудаловым – начальником Главмашпрома, в недавнем прошлом (1931–1933 гг.) директором Сталинградского тракторного завода («в выступлении товарища с ХТЗ ... имеется очень много здорового, что нельзя же в самом деле регулировать все и вдоль, и поперек, и по диагоналям») [Там же, с. 113–117, 189].

Возможно, между утренним и вечерним заседаниями 21 сентября с участниками Совещания была проведена «разъяснительная работа»: содержание выступлений стало заметно более «пресным»: критические и самокритические нотки у хозяйственников исчезли. Редкие примеры сравнения технических характеристик советского и американского оборудования и механизмов [Там же, с. 133, 141] не меняли характер чисто технократических сообщений.

Ситуация вновь изменилась на утреннем заседании 22 сентября. В выступлении В.И. Курицына, директора Луганского паровозостроительного завода, говорилось о высокой текучести кадров на предприятии. Наличие на предприятии 41 % рабочих, имеющих стаж до одного года, обернулось для завода высокой долей брака выпускаемой продукции, а низкий уровень технической подготовки работников – невозможностью выполнения производственных программ. Проблему обострило и отсутствие необходи-

мой измерительной техники [Там же, с. 195–197]. Эта же проблема была конкретизирована Е.М. Альперовичем – начальником Главка инструментальной промышленности, отметившим «прорыв в производстве резьбообразующего и резьбоконтрольного инструмента», как и в выпуске «модульных и дисковых фрез; напильников, монтажного инструмента». Вразрез с пропагандистскими заявлениями об успехах советского станкостроения руководитель главка отметил, что «освоение более квалифицированных более сложных и относительно более дорогих станков идет очень медленно». В первую очередь это касалось производства фрезерных и револьверных станков и полуавтоматов [Там же, с. 199].

Последующие выступления на утреннем заседании 22 сентября профсоюзных и комсомольских функционеров мало чем отличались от обычных пропагандистских деклараций, только фиксирующих недостатки на предприятиях. Показательным в этом плане следует считать речь главы ВЦСПС Н.М. Шверника. Главной задачей профсоюзов определялось не отстаивание интересов рабочих, а «мобилизация рабочих и итр на перевыполнение плана 1934 г.» [Там же, с. 248–257].

Справедливо обвинив хозяйственников за то, что они «слишком мало обращают внимание на улучшение быта рабочих, повышение его материально-культурного уровня», Шверник фактически только указал на слабое освоение средств, отпущенных предприятиям НКТП на жилищное строительство [Там же, с. 251, 255], но не предложил путей решения проблемы.

В отличие от Шверника, В.Л. Стырикович, технический директор Невского машиностроительного завода, акцентировал внимание на конкретной проблеме – роли научно-исследовательской работы заводских лабораторий и конструкторских бюро предприятий в деятельности по повышению качества выпускаемых изделий. По его мнению, «техническая книга в различных ее видах должна быть настольной книгой и у старого инженера, и у молодого, и у мастера, и у рабочего» [Там же, с. 265].

Чередование конкретных и пустых выступлений с перечислением статистических данных без какого-либо анализа стало характерной чертой Совещания руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.). При очевидном преобладании призывов к выполнению плана по количественным параметрам редким исключением было заявление С.С. Дьяконова – директора Горьковского автозавода о переводе в опытный порядок части мастеров на премиальную систему за выполнение и перевыполнение качественных показателей [Там же, с. 289].

Тем не менее в трехдневном «марафоне» из 77 выступлений прослеживались и определенные закономерности. В выступлениях директоров промыш-

ленных предприятий осуждалась практика «штурмовщины», вызванная неритмичной поставкой сырья и материалов, запасных частей; отмечалось низкое качество поставляемой продукции, прежде всего черных металлов. Так, половину заготовок, поставляемых Кузнецким металлургическим заводом, приходилось браковать. Не только для машиностроительного завода «Красный Профинтерн» были характерны «некультурность в самой организации производственного процесса, слабая техническая подготовка, плохая разработка технологического процесса» и, как следствие, «низкая производительность труда, неуплотненный рабочий день, плохая организация рабочего места». Не только Коломенский паровозостроительный завод отличался «хищнической эксплуатацией станков и оборудования» [Там же, с. 52–56, 144, 217, 219].

Продолжая данную тему, К.М. Отс, директор завода «Красный Путиловец», подверг критике образцы отечественного проектирования: «собственная конструкторская мысль, освоив какой-нибудь тип заграничной техники, застывает на месте, и дальнейшая разработка идет от случая к случаю, или не ведется совершенно» [Там же, с. 293]. Представитель Трехгорной мануфактуры Уколова, рапортуя о росте выпуска тканей, упомянула: «раньше в нашей текстильной промышленности брак доходил почти до 50 % (!)». Указание на высокий процент брака не мешало оптимистически заявить о готовности выполнить «решение Совнаркома о выпуске лучших в мире тканей» [Там же, с. 281]. Бодрые, необоснованные рапорты становились частью управленческого поведения. «Командиры производства» указывали на связь невысокого уровня производственной культуры и быта рабочих, живших, как правило, в бараках; осуждали случаи недофинансирования жилищного строительства. Критике подверглись хозяйственные органы Наркомата тяжелой промышленности, освоившие за шесть месяцев 1934 г. только 35 % средств на жилищное строительство [Там же, с. 77, 96, 255].

Контент-анализ выступлений 25 директоров промышленных предприятий показывает, что пятеро говорили на чисто технические темы; двое упоминали связь плохих жилищных условий и производственной культуры; четверо подвергли критике штурмовщину; восемь осудили масштаб брака в поставляемых материалах и полуфабрикатах; остальные призвали менять методы планирования.

Как видно, необходимость изменения методов планирования в большей степени волновала «командиров производства». Нельзя не отметить и готовность большинства «красных директоров» мириться с существующими жилищными условиями своих работников

Приведенные на Совещании 20–22 сентября 1934 г. факты резко отличались от штампов о самой «передовой экономике мира», даже при том, что не были проанализированы многие «больные темы»: высокая текучесть кадров; низкая техническая подготовка производственных кадров; несовершенство системы заработной платы рабочих. Статистическая база сообщений и докладов в лучшем случае базировалась на данных за один год (1933). «Покаяние» директоров предприятий в низкой загруженности оборудования, соседствовало с заверением в том, что «никаких объективных препятствий для достижения лучших показателей нет» и «Шесть условий товарища Сталина», выдвинутые 23 июня 1931 г., помогут разрешить все проблемы. Судя по репликам Орджоникидзе в ходе выступлений подчиненных, наркома огорчало, что критические замечания по поводу исправления ситуации, как правило, сводились к призывам к смежникам либо к обещаниям «подналечь». Закрывая Совещание, Орджоникидзе предложил не принимать никаких резолюций, «ограничиться только принятием Обращения от имени Совещания, которое потом будет утверждено НКТП как приказ по тяжелой промышленности». Совещание утвердило проекты «Положения об организации управления цехом и заводом» в черной металлургии, машиностроении, химической промышленности. В каждом из положений указывалось, что директор являлся полновластным руководителем завода и организатором производства материальных ценностей на основе полного хозрасчета [Там же, с. 341–395].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Декор – восхваление вождя – казался безукоризненным: «Письмо» участников Совещания Сталину (в первый день работы) насыщено фразами «вдохновитель и организатор побед социалистической индустрии» и «наш друг, вождь и учитель». Идеологически выдержанным было и Обращение «Ко всем работникам тяжелой промышленности» [Там же, с. V–VI, VIII–XV]. Но материалы Совещания, изданные тиражом в 15 тыс. экз., объективно нарушали мифы той советской жизни, которую под руководством Сталина рисовали пропагандисты СССР. За внешне чисто производственными требованиями представителей директорского корпуса стояло нежелание мириться с штурмовыми методами работы, порожденными волюнтаризмом в планировании. За резолюциями о «полновластии» директора скрывалось стремление ограничить вмешательство партийных комитетов в дела предприятия. Для Орджоникидзе – инициатора и организатора всесоюзных совещаний хозяйственников – подобное мероприятие было еще и попыткой опереться на коллективный опыт «дирек-

торского корпуса» в борьбе с волюнтаристскими тенденциями в экономике; противоборством нарастанию новой волны преследований специалистов; возможностью воздействия на Сталина доводами практики.

Анализ содержания публикаций в «Правде» за 21–24 сентября 1934 г.; а также названий передовиц газеты за эти дни позволяет определить сталинскую оценку работы Совещания: в качестве главного, наиболее важного направления развития отрасли Сталин выделил *максимально полное использование производственных мощностей*⁵. Однако Совещание проводилось для изменения планирования в сторону приоритета качественных показателей. Очевидно, что директорский корпус, представленный на Совещании, хорошо понимая реальные характеристики «плановой экономики» [Маркевич, 2004], стремился сузить диапазон применения наиболее нерациональных методов хозяйствования [Фельдман, 2021].

В связи с этим важно понять, какие выводы из работы Совещания сделало руководство НКТП? Работа первого Пленума (Совета) при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 10–12 мая 1935 г.; декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) 1935 г. [Фельдман, 2015] и второго Пленума (Совета) при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР в июне 1936 г. [Фельдман, 2011] станут дальнейшими ступенями движения в сторону создания Государственной программы обязательной технической учебы рабочих; системы весомых материальных стимулов в оплате труда; охраны прав специалистов; главенства качественных показателей.

Как видно, коллективный опыт «директорского корпуса, прозвучавший на Совещании 20–22 сентября 1934 г., был услышан и стал основой для развития управленческих навыков «командиров производства». В обстановке жесткой идеологической цензуры управленческие навыки «директорского корпуса» были дополнены лучшим из опыта первой пятилетки. Каждый из указанных векторов развития противоречил полноте власти тоталитарных институтов и потенциально угрожал режиму власти вождя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- История социалистической экономики СССР / отв. ред. И.А. Гладков. М.: Наука, 1978. Т. 4: Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в России. 1933–1937 гг. 519 с.
- Девис Р.В., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 4. С. 92–108.
- Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 20–54.

⁵ Все резервы на службу социализму (передовица) // Правда. 1934. 24 сент. С.1.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 316–317.

Совещание хозяйственников, инженеров, техников, партийных и профсоюзных работников тяжелой промышленности. 20–22 сентября 1934 г.: Стеногр. отчет. М.; Л.: ОНТИ, 1935. 398 с.

Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф. 2012. 527 с.

Фельдман М.А. Две тенденции государственной экономической политики в середине 1930-х гг., или Пять дней из жизни Г.К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзор. М.: Моск. ун-та, 2011. Вып. 15. С. 86–95.

Фельдман М.А. Стахановское движение: место в мифической и реальной предвоенной советской истории // Вопр. истории. 2015. № 8. С. 3–19.

Фельдман М.А. Директора предприятий тяжелой промышленности 1930-х гг.: динамика социально-профессиональной группы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 113–124.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., РОССПЭН. 2010. 478 с.

Хлевнюк О.В. Толкачи. Параллельные стимулы в сталинской экономической системе // Cahiers du Monde Russe. 2018. Т. 59, № 2–3. С. 233–254.

Шпотов Б.М. Американский бизнес и СССР в 1920–1930 гг. М.: Либроком, 2013. 320 с.

Davies R.W. The Industrialisation of Soviet Russia, Basingstoke: Macmillan, 1996. Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933.

Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia, Basingstoke: Macmillan. 2014. Vol. 6: Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. 496 p.

Davies R.W. Industrialization of Soviet Russia, Basingstoke: Macmillan, 2014, vol. 6: Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936, 496 p.

Davis R.W., Khlevnyuk O.V. (1994). The Second five-year plan: a mechanism for changing economic policy. *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 92–108. (In Russ.)

Markevich A.M. (2004). Was the Soviet economy planned? Planning in the People's Commissariats in the 1930s. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik 2003*. Moscow, pp. 20–54. (In Russ.)

Merl' Sh. (2017). Soviet economy: modern estimates. In: *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2016–2017 gg.* Moscow, pp. 303–349. (In Russ.)

(1935). Meeting of business executives, engineers, technicians, party and trade union workers of heavy industry. September 2–22, 1934: verbatim report. Moscow, Leningrad, ONTI, 398 p. (In Russ.)

Sokolov A.K. (2012). From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917 – June 1941. Moscow, New chronograph, 527 p. (In Russ.)

Feldman M.A. (2011). Two trends in the state economic policy in the mid-1930s, or five days of G.K. Ordzhonikidze's life. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow, Izd-vo Mosc. univ, iss. 15, pp. 86–95. (In Russ.)

Feldman M.A. (2015). Stakhanov movement: a place in the mythical and real pre-war Soviet history. *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 3–19. (In Russ.)

Feldman M.A. (2021). Directors of heavy industry enterprises of the 1930s: the dynamics of a socio-professional group. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 7, pp. 113–124. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2010). The Owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 478 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2018). Pushers. Parallel incentives in the Stalinist economic system. *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 59, no. 2/3, pp. 233–254. (In Russ.)

Shpotov B.M. (2013). American business and the Soviet Union in the 1920s–1930s: mazes of economic cooperation. Moscow, Liberkom, 320 p. (In Russ.)

REFERENCES

Gladkov I.A. (Ed.) (1978). The history of the USSR socialist economy. Moscow, Nauka, vol. 4, 519 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.03.2022

Дата рецензирования 05.05.2022

Статья принята к публикации 22.06.2022